

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алимов Т.Э., Куприянова М.Е. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43604 EDN: CEWLIW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43604

Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках

Алимов Тимур Эрмекович

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ alimovcom@mail.ru

Куприянова Милана Евгеньевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ milana_k@list.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43604

EDN:

CEWLIW

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2023

Аннотация: Объектом исследования послужили лингвистические средства экспликации, а именно эвфемизмы, которые были собраны путем сплошной выборки из англоязычных и узбекоязычных словарей, энциклопедий и других справочных и публицистических изданий. Предметом исследования является коммуникативно-прагматические особенности эвфемистических единиц, содержащие информацию о моральных ценностях и этических предписаниях, присущих социуму. Цель исследования – выявить коммуникативно-прагматические особенности эвфемистических номинаций в русском и

узбекском языках с учетом национально-культурной специфики сопоставляемых языков. С помощью кросскультурного метода мы обнаружили, что помимо своеобразия национального контекста, в языковых системах существуют явления, как универсальные, так и дифференциальные, включая семантические универсалии и лингво-прагматические максимы. В статье впервые проводится компаративистский анализ коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов с учетом национально-культурного аспекта, что свидетельствует о научной новизне исследования. Результаты исследования показали, что эвфемизм представляет собой не просто лексический субститут, а более широкое понятие, форму дискурсивного маневрирования. Он обладает различными стратегиями, выполняющими функцию непроксимальной манипуляции дискурсивным пространством, посредством которой говорящий пытается увеличить символическую дистанцию между собой и упоминаемым событием с одной стороны, и с другой в определенных ситуациях использование эвфемистической единицы может быть обусловлено желанием замаскировать реальные обстоятельства. Исследование также показывает, что не существует связи между выбором стратегии эвфемизма в сравниваемых языках. Еще одним важным открытием является то, что русские и узбеки прибегают к табу, когда имеют дело со смертью и ложью, но почти никогда в русском языке не касаются половых отношений. На эвфемистический язык влияют культурные и религиозные убеждения, образ жизни и нормы его носителей, особенно в узбекском языке, как мы обнаружили при описании половых отношений и при обращении к старшим.

Ключевые слова:

коммуникация, прагматика, эвфемистическая номинация, национально-культурная специфика, табу, принцип вежливости, принцип дистанцирования, семантическая неопределенность, концептуализация, дискурсивное манипуляция

1. Введение

Актуальность исследования обусловлена интересом исследователей к процессу эвфемизации как лингвистическому явлению, который значительно возрос в последние время, что делает данное исследование особо релевантным. В настоящее время ученым предстоит ответить на множество вопросов, вызывающих диссонанс, включая коммуникативно-прагматические функции эвфемизмов, конкретные причины эвфемизации, ключевые критерии для определения эвфемии, области их использования, стилистическую принадлежность. Изучение национально-культурного своеобразия эвфемизмов в сравнительном контексте способствует выявлению специфики отражения реальных объектов окружающего мира в языковой картине мира разных языковых систем, что является важным аспектом, позволяющим интерпретировать самобытность мировоззрения и процесс эвфемизации у носителей русского и узбекского языков.

В связи с поставленной целью необходимо решить **следующие задачи**: 1) отобрать русские и узбекские эвфемизмы, которые были собраны путем полной выборки из англоязычных и узбекоязычных словарей, энциклопедий и других справочных и публицистических изданий; 2) рассмотреть определение эвфемизма, с точки зрения прагматики; 3) рассмотреть прагматические стратегии эвфемизации; 4) исследовать эвфемизмы с учетом особенностей их культурного значения и выявить дифференциальные и универсальные признаки, свидетельствующие о национально-культурной специфике.

Методы исследования: метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, кросскультурный метод, который заключается в описании лексического уровня в каждом языке с использованием симметричных критериев и фактического материала. Этот подход основывается на сравнении и анализе коммуникативно-прагматических особенностей, учитывая лингвокультурологические характеристики изучаемых явлений. Контекстуальный метод, позволивший выявить скрытые коммуникативные интенции адресата.

Теоретической базой исследования являются труды русских и зарубежных ученых В.П. Москвина (2017), Е.П. Иванян (2021), М.Л. Ковшовой (2007), К.Аллана и К.Барриджа (Allan, BurrIDGE, 1991, 2006), рассматривающие особенности эвфемистических выражений. Исследование было направлено на определение коммуникативно-прагматических функций и национально-культурной самобытности эвфемистических выражений, которым было уделено достаточное внимание в исследованиях В.И. Заботкиной (1989), Дж. Серля (1986), В. Лутца (Lutz, 1989), Н.В. Тишиной (2006), Л.В. Порохницкой (2014), В.Ю. Харитоновой (2018), А. Омонтурдиева (2000), Ш.К. Шамсиевой (Сопоставительная лингвокультурология, 2021).

Результаты данного исследования имеют **практическое значение** и могут быть применены в теории и практике преподавания русского и узбекского языков, в частности обнаруженные расхождения содействуют представителям обеих культур эффективно коммуницировать без каких-либо недоразумений, особенно тем, кто изучает иностранный или второй язык. Изучающие русский или узбекский язык как иностранный/второй язык могут быть вооружены этими эвфемистическими стратегиями, чтобы справляться с любыми неловкими ситуациями или темами, чтобы облегчить межкультурное общение и сохранить лицо обоих носителей, поскольку использование табуированного термина угрожает лицу.

2. Теоретическая часть исследования

В настоящее время наблюдается растущее разнообразие и распространение способов и средств эвфемизации, которые затрагивают важные социальные темы, различные сферы человеческой деятельности и взаимоотношений с другими людьми, социумом и властью. Коммуниканты обладают разнообразием мотивов, побуждающих их использовать эвфемизмы. Эти мотивы могут быть связаны с чувством суеверия и страха, сострадания, стыда или же вежливости. Они относятся непосредственно к эмоциональной сфере человека. В современных научных исследованиях эвфемизмы изучаются в контексте речевой прагматики, как одного из средств создания комфортной коммуникативной ситуации. Целесообразно рассмотреть прагматику с точки зрения лингвистики и применить данное понятие к нашему исследованию, которое касается эвфемизмов.

В современной лингвистике термин «прагматика» имеет несколько различных трактовок. Так, В.И. Заботкина выделила наиболее точные определения прагматики из разных источников. «Это наука об употреблении языка (Leech), наука о языке в контексте, или наука о контекстуальности языка как явления. (Parret). Исследование языка (или любой другой системы коммуникации) с точки зрения преследуемых целей, различных способов их достижения и условий, при которых эти цели достигаются (Parisi), теория интерпретации различных актов, изучение языковых средств, служащих для обозначения различных аспектов интеракционного контекста, в котором выражается пропозиция (Motsch)» [\[3, с. 50\]](#). Прагматика исследует взаимосвязь между языком и говорящим, включая причины, по которым автор высказывания выбирает определенные языковые средства. Выбор этих средств зависит от характера коммуникации и цели,

которую автор хочет достичь. В контексте речевой прагматики, эвфемистические единицы являются одними из таких языковых средств.

По мнению Е. С. Кузьминой, основная цель, которую преследуют коммуниканты, используя эвфемистические номинации, заключается «в избежание коммуникативных конфликтов и обусловлена желанием не поставить собеседника в неудобное положение, не задеть его чувства» [\[5, с. 132\]](#).

С. Люхтенберг рассматривает эвфемизм как проецирование корыстной версии реальности, которую ученый называет «сокрытием и вуалированием» [\[28, с. 26\]](#). Важно отметить, что И. Р. Гальперин также обратил внимание на манипулятивные возможности функций эвфемизмов, утверждая, что «главное условие манипуляции массовым сознанием - это способность влияния маскироваться, так как именно в данных случаях имеется возможность управлять объектами воздействия» [\[2\]](#). Эвфемизмы обладают прагматической природой, поскольку они направлены на отвлечение внимания слушателя от запретного или неприятного понятия, тем самым выполняя функцию «эмоционально-нейтральной замены нежелательных или излишне резких обозначений» [\[23, с. 12\]](#).

В свою очередь определение, данное К. Алланом и К. Берридж может пролить свет на наше обсуждение эвфемии, ориентированное на лицо: «это слова или фразы, используемые в качестве альтернативы нежелательному выражению во избежание возможной потери: либо своего, либо, оскорбив, лица публики, либо какого-либо третьего лица» [\[19, с. 32\]](#). Понятие «лицо», предложенное Гоффманом [\[24\]](#) и описанное Брауном и Левинсоном, играет мотивирующую роль в процессе эвфемизации [\[20, с. 61\]](#). В процессе коммуникации пользователи языка используют эвфемистические выражения или косвенные средства для сохранения либо своего лица, либо лица собеседника. Согласно К. Линфут-Хэму, основная функция эвфемизма состоит в том, чтобы защитить собеседников от возможного оскорбления друг друга, вызванного поднятием табуированной темы или упоминанием предмета, к которому один из собеседников может быть чувствителен [\[27\]](#). Р. Уордхау также предполагает, что говорящие должны защищать свое лицо, а также лицо других, чего можно добиться с помощью эвфемизма [\[31, с. 276\]](#).

В настоящем исследовании термин эвфемизм используется для обозначения косвенных или вежливых средств выражения табу, целью которых является сохранение лица говорящего или собеседника. Таким образом, с этой точки зрения эвфемизм является в основном прагматическим явлением, подходом, принятым многими авторами, рассматривающими эвфемизм в дискурсивных рамках, с учетом социальных условностей прагматического контекста, окружающего участников диалога. Необходимо отметить, что эвфемизмы, выступающие как средство коммуникации для предотвращения возможных коммуникативных неудач, содержат информацию о моральных ценностях и этических предписаниях общества.

3. Анализ и результаты исследования

3.1. Эвфемизмы и теория косвенных речевых актов

Теория косвенных речевых актов Дж. Серла представляет особый интерес для исследования эвфемии. Она способствует пониманию прагматических аспектов эвфемистической субституции, которая является одной из разновидностей косвенных речевых актов. Важно отметить, что «в косвенных речевых актах говорящий передает

слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и не языковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего» [\[16, с. 197\]](#).

В контексте исследования эвфемии, данное положение означает, что при использовании определенной эвфемистической единицы, автор высказывания стремится установить семантическую или фонетическую связь с субститутом, чтобы вызвать в сознании реципиента имплицитную автором интерпретацию словоформы. То есть автор предполагает, что реципиент способен осуществить данное ментальное действие.

Сознание коммуникантов формирует смысловую структуру эвфемизмов путем «комбинаторного взаимодействия когнитивной, языковой, речевой и коммуникативно-прагматической семантики как эвфемизмов в целом, так и ее разноуровневых компонентов» [\[11, 128\]](#).

Согласно А.С. Мейриевой, данный подход к коммуникативно-прагматическим особенностям эвфемистических единицы исследует комплекс мер для понимания взаимосвязи двух типов отношений - лингвистических и экстралингвистических. Лингвистические отношения определяются системно-языковой и речевой организацией, а экстралингвистические связаны с речемыслительной деятельностью участников коммуникации (намерение, восприятие, толкование и интерпретация сообщения, в которой содержится эвфемистические словоформы).

Например, при обнаружении признаков серьезного или неизлечимого заболевания в диагнозе, врач старается избежать прямой подачи информации пациенту. Вместо этого, он подбирает лексические единицы с положительной окраской или с неопределенной семантикой, которые способны смягчить посылаемое сообщение и не потрепать пациента отрицательными известиями. Например, в русском языке *Наш тест показал, что у вас положительная реакция на **болезнь ВИЧ**, приобретенную половым путем* вместо *вы заражены СПИДом* – в узбекском *Bizning testimiz shuni ko'rsatdiki, siz jinsiy yo'l bilan yuqadigan VICH kasalligiga ijobiy munosabatda bo'lasiz* вместо *siz **OITS bilan kasallangansiz***/ вы заражены СПИДОМ или другой пример, *Требуется **хирургическое вмешательство*** (вам необходимо провести операцию) – узб. *Jarrohlik zarur/ хирургическое вмешательство* вместо *sizga operatsiya kerak*/ вам необходима хирургическая операция, или в случае смерти пациента при операции его семье сообщают, что случился **летальный исход** (врачи были бессильны; мы потеряли больного), узб. *joni chiqdi*/ душа покинула, *oramizdan yo'qoldi*/ ушел от нас, *taslim bo'ldi*/ сдался смерти.

Приведенные выше словоформы способствуют камуфлированию социально неприятной темы - смерти, говорящий стремится не использовать исходный компонент, минимизируя угрозу открытой конфронтации. Как отмечают П. Браун и С. Левинсон, обращение к неподходящей теме представляет собой угрозу положительному лицу, а замена грубого термина эвфемизмом является распространенной стратегией уменьшения угрозы положительного лица [\[20\]](#). Таким образом, приведенные выше примеры демонстрируют прагматические потребности говорящего в том, чтобы замаскировать отрицательные аспекты описываемого предмета и защитить свои интересы. Данные примеры также подтверждают диалектическую природу эвфемистических выражений, о которой говорит Е.И. Шейгал. Суть диалектической природы эвфемистического наименования заключается в том, что результат процесса эвфемизации представляет собой номинацию,

которая, с одной стороны, прямо не называет отрицательную коннотацию сущности объекта, что способствует смягчению его восприятия реципиентами. С другой стороны, семантика словоформы остается неизменной, и каждый представитель языкового сообщества «способен осуществить данное ментальное действие для ее понятия» [17, с. 207].

В ракурсе национального своеобразия мы выявили, что в первом примере, не наблюдается речевой разницы по случаю употребления эвфемистического выражения в обоих исследуемых языках, но во втором случае, все же наблюдается разница при сообщении новости о смерти пациента. Здесь все же прослеживается национально-культурная особенность свойственная менталитету узбекского народа, где проявляются свойственные религиозные и светские оттенки для адресатов и адресантов в речи. Несмотря на то, что исламская философия говорит об ужасе смерти, бояться ее запрещено. Узбекские пословицы **Ўзи берди, Ўзи олди**/Он (сам) дал, Он (сам) взял (отобрал), **Ўлим ҳақ**/ Смерть права (Смерть есть истина), **Ўлим қош билан қовоқнинг ўртасида**/ (отсутствует перевод на русский язык), **Худонинг иродаси шу экан**/ на все воля Божья, **Худо бир, ўлим барҳақ**/ Бог един, а смерть вечна, **Бандалик**/ рабство (в значении все мы в этом мире рабы Божьи) являются языковыми выражениями этой философии. Согласно исламскому поверью, верующий должен готовиться к смерти. Вот почему сказано, что, когда человек, достигший чина веры, уходит из жизни его называют **абადий ором топди**/ он обрел вечный покой, **абадий роҳат-фароғатга кетди**/ ушел в вечное наслаждение или из выражения **бу дунё азобларидан қутулди**/ этот мир освободился от страданий видно, что смерть в исламе не является чем-то страшным.

Другая прагматическая теория Дж. Серля – теория референции, предполагает референцию к объекту, так при использовании говорящим определенных выражений они должны: «а) содержать дескриптивные термы, истинные единственно для этого объекта, либо б) указывать на объект, либо в) сочетать указание с описанием объекта, достаточным для его идентификации» [16, с. 196].

Рассмотрим эвфемизмы внебрачных связей и половых отношений на примере узбекского дискурса, так как они обладают национальной спецификой. В узбекских традициях семья всегда считалась священной, поэтому запрещены любые виды отношений без брака, сожителство вне семьи по сравнению с русскими традициями, в которых не существует рестрикций на создание семьи вне брака. Узбекское общество традиционно придерживается консервативных ценностей, все связи между мужчиной и женщиной должны официально быть зарегистрированы и подтверждены браком. Так, существуют эвфемизмы, вуалирующие названия постыдного понятия **зино қилмоқ**/ блуд: **ёмон йўлга кирган**/ вступить на дурной путь, **юриб кетган**/ загулять, **юр(ади)ган**/ гулящая, **ҳалол эмас**/ нечистая(ый). 1) «Чунки у эрига вафосизлик қилган, ёмон йўлларга юрган» /Потому что она была неверна мужу, пошла по дурному пути (Р. Узокова. Сайланма); 2) «Кимдир Кимсаннинг қулоғига шивирлади: – Хотининг ҳалол эмас» / Кто-то шепнул на ухо Кисману, что его жена не чиста (Абдулла Қаҳҳор. Оқ ароқнинг қора иши).

Как мы видим, адресант использует эвфемистические номинации **вафосизлик қилган**/ быть неверным(ой), **ҳалол эмас**/ нечистая(ый) с целью произвести референцию к объекту, которые реализуют эвфемистическую функцию в языковой системе и достоверно понятны реципиенту. В данном случае имеется в виду то, как форма выражения используется «в «несобственном» значении, которое, по сравнению с употреблением формы в «собственном» значении отражает конкретное содержание» [там же, с. 200]. В

таком случае, форма имеет более общее значение, что делает ее неопределенной и вызывает только смутные семантические ассоциации, что в свою очередь приводит к особому смягчению выражения.

В узбекском быту тема половой близости является очень закрытой, и в языке узбекских людей, живущих с исламскими верованиями, она не упоминается открыто. Когда необходимо упомянуть, используются различные эвфемизмы (графические средства типа пунктуации в письменной речи). По словам А. Омонтурдиева, «зафиксировано 140 эвфемистических способов занятия сексом» [13, с. 50]. Восточный менталитет и национальная культура, сформировавшиеся на основе узбекской цивилизации, привели к адаптации речевого этикета, который содержит множество лексем, обладающих эвфемизацией. Благодаря этому, нашли свое отражение отличительные эвфемизмы, свойственные данной культуре. Несмотря на эвфемистическую функцию данных номинаций, устная речь все равно отражает определенное чувство стыда. Однако в узбекском социуме, согласно своим традициям, существуют эвфемизмы-субституты для непристойных слов и выражений.

Например, выражения **бирга бўлмоқ/** быть вместе, **бирга ётмоқ/** лежать вместе, **яқин муносабатда бўлмоқ/** быть в близких отношениях, **яқинлик қилмоқ/** уединяться, **алоқа қилмоқ/** иметь половые связи считаются национально-культурными эвфемистическими номинациями и их использование продиктовано узбекской культурой и восточным менталитетом.

В эвфемистическом выражении половой близости слово **иш/** работа принимает активное участие в ассоциациях носителя узбекского языка, вследствие семантики данного слова, которое имеет признак несколько абстрагирующего и обобщающего грубого, постыдного понятия. Можно выделить следующие эвфемистические номинации с лексической единицей **иш/** работа: **ишини бажармоқ/** выполнять работу, **ишини битирмоқ/** закончить работу, **ишини қилмоқ/** делать работу, которые прямо не называют половые отношения и содержат национально-культурный колорит узбекского народа.

Таким образом, национальное своеобразие приведенных словоформ половых отношений в узбекском языке, в первую очередь, возникли вследствие восточного быта, и откровенно говорить об интимных отношениях в культуре узбекского народа считается грехом, а завуалированность этой темы закрепляется в его языковой культуре. Позже это было регламентировано как требование культурного дискурса.

Понятие «прагматический принцип» играет существенную роль в нашем исследовании. Исходя из этого, для обеспечения бесперебойной коммуникации пользователи языка должны руководствоваться принципом вежливости и дистанцирования, лежащие в основе возникновения эвфемизма.

3.2. Принцип вежливости

В основу большой группы эвфемистических субституты часто заложен принцип вежливости. В рамках теории межкультурной коммуникации категория вежливости исследуется как «соблюдение коммуникативного соглашения и заключается в следовании коммуникантами надлежащему для данной ситуации набору законов и правил» [14, с. 37].

Т.В. Ларина рассматривает принцип вежливости как «универсальную коммуникативную категорию, представляющая собой систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих

ожиданиям партнера» [\[7\]](#). По ее мнению, в каждом народе вежливость имеет свои особенности с учетом национальных норм поведения, которые определяются культурными ценностями, социально-культурными отношениями и мировоззрением народа.

Например, в исламской религии, составляющая основную часть населения Республики Узбекистан воспринимает религию, как руководство к хорошему социальному поведению. Она регулирует обязанность уважать учителей, преподавателей, правительства и Бога. Кроме того, следует с уважением относиться к старейшинам, гостям, и незнакомцам, используя уважительный узбекский язык, обычно идентифицируемый по лексическому выбору, например, в узбекской лингвокультуре не принято обращаться к пожилым людям по имени. По отношению к ним используются эвфемистические единицы, такие как *ота/ папа, отахон/ папочка, она/ мама, онахон/ мамочка, буви, бува/ бабушка, бобо/ дедушка, момо/ бабуля*. В этих формах обращения эвфемистические единицы возникает в результате наименования чужого как ближнего, и при помощи добавления форм субъективной оценки *-хон, -жон*. В русской культуре мы наблюдаем расхождение, как отмечает Е.П. Иванян «формы обращения на «Вы» вместо «ты» в русском языке нельзя относить к эвфемизмам» [\[4, с. 16\]](#), поскольку в русском дискурсе отсутствует негативная эмоция, которую мы должны смягчить, используя форму множественного числа. Обращение к старшим на «ты» часто считается проявлением близости, доверия и уважения. Это происходит из долгой истории России, где уважение к старшим и семейным ценностям играли важную роль. Традиционно, в русской семье существовала иерархия, где старшие поколения занимали особое положение и имели авторитет. Молодые люди обращались к старшим на «вы» и использовали более формальные обращения, чтобы выразить свое уважение и подчеркнуть иерархическую структуру семьи. Однако, с течением времени и социокультурных изменений, обращение на «ты» к старшим стало более распространенным. Это связано с изменениями в обществе и взаимоотношениях между поколениями. Современные молодые люди все чаще стремятся к более открытым и дружеским отношениям с родителями, старшими родственниками и даже с коллегами. Обращение на «ты» считается проявлением близости и доверия, и может помочь установить более теплые и интимные отношения.

Как мы видим, прагматическое содержание слова «кодирует черты ситуации общения, в которой оно обычно употребляется» [\[3, с. 52\]](#). Отдельное значение имеет выявление рестрикций в использовании и процесс выбора определенного языкового средства в конкретной коммуникативной ситуации во время социального взаимодействия между участниками, которые также продиктованы своеобразием значения словоформ. Как правильно указала М.Л. Ковшова «эвфемизация функционирует по отношению к конкретной коммуникативной ситуации как стратегия, направленная на смещение прагматического фокуса и достижение конкретной прагматической цели, заключающейся в передаче скрытой (имплицитной) информации путем зашифровки ситуативно неуместных тем и слов согласно нормам риторического этноса» [\[6, с. 122\]](#).

В самом общем смысле, вежливость определяется как форма коммуникативного поведения, основанная на уважении к личности собеседника, его мнениям, интересам и желаниям, а также на стремлении предотвратить возможные конфликтные ситуации. Она также предполагает проявление языковой компетенции со стороны говорящего, выражающей его хорошее воспитание и принадлежность к данному обществу. «Соблюдение принципа вежливости направлено на достижение максимальной эффективности социального взаимодействия» [\[1, с. 3\]](#).

Например, мы зафиксировали объемную функционально-семантическую группу эвфемизмов характерную для узбекского дискурса, вуалирующая девственность *qizlik*/ наличие девственности: *ibo*/ скромность, *or*/ честь, *nomus*, *baqorat*/ целомудрие, *birinchi kechalik*/ первая ночь, *kerakli narsa*/ необходимость, *qimmatbaho narsa*/ ценность, *ulug' ne'mat*/ великое благословение, *bahorni ko'rmagan chechak*/ досл. цветок, который еще не видел весны, *bokira*/ чистая в значении «девственница».

Русская и узбекская лингвокультуры расходятся в этом отношении, в первой об этом можно разговаривать, во второй не позволяют открыто выражать сексуальные понятия. В узбекской культурах романтические отношения между мужчиной и женщиной вне брака запрещены. Поэтому в нравственных нормах узбекского народа, верного древним традициям, запрещено открыто и прямо представлять себе форму и содержание интерсексуальных отношений.

3.3. Принцип дистанцирования

«Практика замены потенциально оскорбительного выражения более приятным может быть использована говорящими как стратегия дистанцирования» [21]. Это свойство ставит эвфемизм среди других прагматических форм дискурсивного маневрирования, ведущих к имплицитности и косвенности выражения. Это связано с одним из нескольких ключевых эффектов, которых достигает эвфемизм, а именно с семантической неопределённостью. Неопределенность является определяющей чертой эвфемизмов как лингвистического явления, способная порождать двусмысленность и выполнять функцию эвфемизации, которая предполагает, «сокрытие неприятной концепции, позволяя, таким образом, смягчить табу» [26, с. 16]. Широкая семантическая структура слова «служит своеобразной вуалью, прикрывающей неприятную, негативную сущность явления» [3, с. 91]. Однако следует отметить, что эвфемизм неразрывно связан с табу, особенно с лингвистическим табу [30] и, более конкретно, с тем, что называют «концептуальным запретом» [25]. Это обуславливает «когнитивный процесс концептуализации запретной реальности, который, проявляясь в дискурсе посредством использования языковых механизмов, позволяет пишущему в определенном «контексте» или в определенной прагматической ситуации, ослабить или, наоборот, усилить некую запрещенную концепцию или реальность» [там же, с. 738].

С точки зрения прагматической интерпретации эвфемизма как приема дискурсивного маневрирования, то оно также оперирует лежащим в его основе механизмом увеличения символической дистанции между упоминаемым явлением и его конкретной вербализацией говорящим. С этой целью говорящий может полагаться на обычные, лексикализованные эвфемизмы или создавать новые эвфемистические формы выражения. Однако в гораздо более широком прагматическом смысле такое дискурсивное маневрирование — стремление проблематизировать то, что можно было бы сформулировать более прямолинейно, также включает в себя другие языковые феномены, которые обычно не считаются имеющими «эвфемистическую» функцию.

Например, в сопоставляемых языках словоформы **висячий**, **стоячка**, **торч**, **торчила/торчило** (мужской половой орган, чаще всего во время эрекции), **торчун** в русском и в узбекском **мижоз/оружие** языке (мужское тело, наименования мужского полового органа) могут обозначать табуированную часть тела - *пенис*, и в то же время функционировать как эвфемизм в определенном контексте.

В качестве другого примера служит группа эвфемизмов, обозначающая отсутствие

девственности, или ее лишение. В русском языке данная группа представлена не обширно, в словаре Е.П. Сеничкиной были обнаружены следующие эвфемизмы: **сокровище, нераскрывшийся бутон, не целованная, нетронутая, вуаль целомудрия** [15], тогда как в узбекском словаре А. Омонтурдиева они представлены довольно разнообразно, например, **гул кесмоқ/** срезанный цветок, **гулини сўлдирмоқ/** увянувший цветок, **айби бор/** есть ошибка, **нопок/** нечистая. В данных примерах словоформы **кесмоқ/** срезанный и **сўлдирмоқ/** увянувший интерпретируется как «лишенная целомудрия» из-за сходства, которое существует между различными аспектами данных понятий. С другой стороны, замена того же утверждения другой лексемой, например, **қиз эмас/** не девочка вместо **нопок/** нечистая, никогда не будет иметь такого же эвфемистического эффекта, главным образом потому, что вышеупомянутые аспекты сходства больше не наблюдаются. Метафора, благодаря своей способности извлекать сходство из аналога и на первый взгляд взаимоисключающих сущностей, имеет сложную ассоциативно-семантическую структуру. Благодаря этим особенностям и способности заменять буквальное описание, она способна «корректировать восприятие реальности и в определенных контекстах выполнять эвфемистическую функцию» [9, с. 186].

Для достижения эвфемистического эффекта метафора играет важную роль, поскольку «она представляет собой маркер имплицитного смысла» [8, с. 26]. В данном случае, метафора осуществляет семантический сдвиг путем выявления более или менее очевидного сходства между предметом или понятием, связанным с запретным содержанием, и соответствующим денотатом вне этой сферы: «говорящий предлагает слушающему познать негативные, малопривлекательные или малопрестижные явления через образное уподобление их явлениям положительным или, по крайней мере, нейтральным в оценочном отношении» [13, с. 88], как **пенис** метафоризируется на **торчила/торчило** и **мижоз/оружие**. «Употребление слова в не прямом, не в «своем» значении за счет переноса отрицательного знания в область положительного способствует реализации вуалирующей, смягчающей и украшающей эвфемистической функции» [22; 29].

Весьма продуктивным приемом эвфемизации в исследуемых словарях русского и узбекского языков также является метонимия. Метонимический перенос, основанный на пространственных отношениях смежности, используется, например, при обозначении ряда физиологических особенностей человеческого тела: в русском **клубничка** (женский половой орган), **вислихи и колыхание** (женская грудь) и в узбекском языке **муҳаббат гунчаси/** бутон любви, **жинсий ёриқ/** сексуальная трещина в формальном и вежливом собрании уместно используется для обозначения *женской груди* и *вагины* женщин, которые считаются табуированными. Используя механизм метонимии, эвфемистический прием позволяет инсинуировать на табуированный денотат путем субституции его наименования через ассоциативные связи, основанные на смежности.

Для выполнения эвфемистической функции смягчения важно отметить, что «метонимическая недоговоренность, также как и метафора, является инструментом для передачи имплицитного смысла, выступая как одно из проявлений тенденции к компрессии речи» [8, с. 22], тем самым, имплицитно она обладает большим значением, чем выражено на поверхностном уровне; «смысл компактных метонимических построений не исчерпывается лексическим значением составляющих его компонентов, в них предполагается домысливание всей ситуации, названной по какому-либо наиболее типичному ее компоненту, который прочно ассоциируется с другими компонентами» [10, с. 40].

Таким образом, эвфемизмы-метонимии и эвфемизмы-метафоры используются для маскирования неприятных или непристойных аспектов жизнедеятельности, намекая на социально неприемлемый смысл. Метонимическая недосказанность ведет к искажению максимы информативности (полноты информации) и максимы тождества (ясности), что в свою очередь «способствует построению нарочито двусмысленной и неточной речи в целях эвфемизации высказывания» [12, с. 64-65]. Сопоставление значения маркера и знаний адресата о языковой картине мира позволяет эксплицировать опущенные элементы, что в свою очередь способствует умозаключению о подразумеваемом смысле в соответствии с общей прагматической направленностью.

4. Результаты исследования

С точки зрения прагматики, использование эвфемистических номинаций является своего рода реакцией на деструктивные процессы в языковой деятельности. Оно направлено на нивелирование или обход негативных аспектов, которые существуют в настоящее время.

Исследование языкового материала позволяет сделать вывод о том, что эвфемистические номинации в узбекском и русском языках имеют дифференциальные типы мотивации. В ходе нашего исследования мы обнаружили, что эвфемизация основана на моральных и социальных нормах конкретного общества. Это подтверждает факт того, что считается табу в одной культуре, может быть принято в другой как норма, и что использование эвфемистических единиц осуществляется на основе культурных ценностей и убеждений. Не вызывает сомнений, что язык подвержен влиянию культуры, традиций, религии, географии и различных социальных факторов социума. В ходе сопоставительного анализа различных языков и культур выявляются лингвистические элементы, характерные для определенной национально-культурной специфики.

5. Заключение

Стремясь расширить понимание эвфемистической номинации от простой лексической замены один к одному, данная статья подвела нас к понятию эвфемизма как к форме дискурсивного маневрирования. В коммуникативно-прагматических функциях эвфемистическая единица представляет собой различные стратегии, которые выполняют функцию непроксимальной манипуляции дискурсивным пространством, посредством которой говорящий пытается увеличить символическую дистанцию между собой и упоминаемым событием с одной стороны, и с другой данные выражения способствуют уклонению от использования неприличных или нецензурных высказываний, отражают уровень культуры и воспитанности собеседника, а также способствуют социальному развитию. Анализ показал, что эвфемизмы играют важную роль в коммуникации, позволяя общаться о сложных или неприятных темах, при этом соблюдая социальные нормы и воспринимая информацию более мягко или деликатно.

Стратегии эвфемизма, обнаруженные в узбекском языке, указывают на то, что в нем больше способов выражения эвфемизмов. Исследование также показывает, что нет никакой связи между выбором стратегии эвфемизма в сопоставляемых языках. Еще одним важным открытием является то, что русские и узбеки прибегают к табу, когда имеют дело со смертью и ложью, но почти никогда в русском языке не касаются половых отношений. На эвфемистический язык, как и на язык в целом, влияют культурные и религиозные убеждения, образ жизни и нормы его носителей особенно в узбекском языке, как мы обнаружили при описании половых отношений и при обращении к старшим. Дифференциальные признаки показывают, что эвфемизмы могут иметь различные типы и структуры в зависимости от языковой и культурной принадлежности.

Они способны отражать специфические концептуализации запрещенной реальности и иметь свои уникальные значения и использование. Универсальные признаки эвфемистических номинаций свидетельствуют о том, что некоторые эвфемизмы могут быть общими для разных культур и языковых сообществ. Это связано с общими тенденциями в обществе по использованию определенных слов или выражений для ослабления негативного значения.

Понимание дифференциальных и универсальных признаков эвфемистических номинаций вносит вклад в понимание культурных различий и особенностей коммуникации. Это исследование предоставляет полезную информацию для специалистов в области межкультурной коммуникации, перевода и обучения иностранным языкам, помогая адаптировать коммуникацию к культурным особенностям и избегать недоразумений и конфликтов.

Библиография

1. Васильева О.А. Реализация максим вежливости в английском и русском диалогах [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.А. Васильева. – Уфа, 2000. – 158 с.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. Учебник / И. Р. Гальперин. 3-е изд. Москва: Высшая школа, 1981. – 334 с.
3. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка: учеб. Пособие для ин-тов и фак.иностр. яз. – Москва: Высшая школа, 1989. – 126 с.
4. Иванян Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учебное пособие / Е.П. Иванян. – 4-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 121 с.
5. Кузьмина Е. С. Эвфемистические процессы в диахроническом срезе // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, 2010. – № 4. – С. 130–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemisticheskie-protsessy-v-diahronicheskom-sreze> (дата обращения: 19.07.2023).
6. Ковшова М.Л. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов // Семантика и прагматика эвфемизмов. Москва: Гнозис, 2007. – 320 с.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянских культур, 2009. – 512 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/annotatsiya-larina-t-v-kategoriya-vezhlivosti-i-stil-kommunikatsii-sopostavlenie-angliyskih-i-russkih-lingvokulturnyh-traditsiy> (дата обращения: 19.07.2023).
8. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург: 1999. – 35 с.
9. Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии: На материале испанской разговорной речи. – Санкт-Петербург.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 233 с.
10. Мединская В.Л. Об имплицитных структурах, выражающих некоторые синтаксические категории в русском языке // НЛВШ. Филол. науки. – 1971. – № 3. – С. 38-41.
11. Мейриева А.С. Эвфемистическая лексика в современном русском языке: комплексная характеристика [Текст]: дис...канд. филол. наук / Айшат Султановна Мейриева. – Магас, 2004. – 186 с.
12. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Издание стереотипное. – Москва: ЛЕНАНД, 2017. – 262 с.
13. Омонтурдиев А. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати. Тошкент: Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси, 2000. – 134 б.
14. Рубина Н. Б. «Эвфемизм» и «Политическая корректность» в современном английском языке // Russian Journal of Linguistics. – 2011. – №. 4. – С. 35-41.
15. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

16. Серль Дж. Косвенные речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. – С. 195-222.
17. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
18. Шувалов В.И. Эвфемистическая метафоризация в языке и речи // Актуальные проблемы германистики и романистики. – Смоленск, 2002. – Вып. 6. – Ч.1. – С. 87-91.
19. Allan K., Burrige K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2006. – 303 p. URL: <https://doi.org/10.4000/lexis.1633>
20. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge university press, 1987. – Т. 4. – 345 p. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>
21. Chovanec J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue //Lingua. – 2019. – Т. 225. – Pp. 50-62. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.04.001>.
22. Dabrowska A. Eufemizmy wspolczesnego jezyka polskiego. – Wroclaw, 1994. – 233 p.
23. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova, D. S. Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette // Training Language and Culture. – 2019. – № 3(1). – Pp. 8-22. URL: <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1>.
24. Goffman E. Interaction ritual: Essays in face to face behavior. – AldineTransaction, 2005. – 270 p.
25. Gómez M.C. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism // Language Sciences. 2009. Т. 31. № 6. Pp. 725-739. URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2009.05.001>.
26. Fernández E. C. Sexually explicit euphemism in Martin Amis's "Yellow dog: mitigation or offence? //Miscelánea: A journal of english and american studies. – 2006. – №. 33. – Pp. 11-30.
27. Linfoot-Ham K. The linguistics of euphemism: A diachronic study of euphemism formation //Journal of language and linguistics. – 2005. – Т. 4. – №. 2. – Pp. 227-263.
28. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch. Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1985. – 250 p.
29. Neaman J.S., Silver C.G. Book of Euphemism. The hilarious guide to the unmentionable / J.S.Neaman, C.G.Silver. –London: Wordsworth Editions LTD, 1995. – 310 p.
30. Andrea Pizarro Pedraza (ed.) Linguistic Taboo Revisited. Novel Insights from Cognitive Perspectives Berlín/Boston: De Gruyter Mouton, 2018. – 331 p. DOI: 10.1515/9783110582758
31. Wardhaugh R. An introduction to sociolinguistics, Blackwell Publishing, 2021. – 480 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к сравнительно- сопоставительным языковым исследованиями русского и иного языка (не английского) в нашей стране. В данной работе проводится сопоставительный анализ функционирования эвфемизмов в русском языке и в узбекском – языке одной из богатейших в культурном плане стран бывшего СССР. Автор рассматривает эвфемизмы, которые зачастую используются в современном мире для введения модальности в

повествование, попытке уклониться от прямого ответа на вопрос или завуалировать информацию.

Актуальность исследования обусловлена также интересом исследователей к процессу эвфемизации как лингвистическому явлению, который значительно возрос в последние время, что делает данное исследование особо релевантным.

Кроме того, в настоящее время возрастает интерес к исследованиям в области стилистики, лексикологии и лексикографии, в изучение чего вносит определенный вклад рецензируемая работа.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии, через призму лексики двух различных культур. Исследование является сопоставительным, проведенном на материале двух языков. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методами исследования явились метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, кросскультурный метод, который заключается в описании лексического уровня в каждом языке с использованием симметричных критериев и фактического материала. Этот подход основывается на сравнении и анализе коммуникативно-прагматических особенностей, учитывая лингвокультурологические характеристики изучаемых явлений. Контекстуальный метод, позволивший выявить скрытые коммуникативные интенции адресата.

К сожалению, автор не указывает на объем корпуса, отобранного для практической части исследования по каждому из языков и на принципы и методы отбора. Автор приводит убедительные данные, однако методы корпусного исследования, а также статистические методы, которые могли бы быть применены в данном случае, не были использованы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на узбекском и русском языках.

Библиография статьи насчитывает 31 источник, среди которых представлены научные труды на русском, английском и узбекском языках.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в теории и практике преподавания русского и узбекского языков, в частности обнаруженные расхождения содействуют представителям обеих культур эффективно коммуницировать без каких-либо недоразумений, особенно тем, кто изучает иностранный или второй язык.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.